

Мальчик провёл Чи Юя и Сяо Лянь вперёд, остановившись у извилистого моста.

— Чи Юй, сюда, сюда~

Чи Юй повернулся и увидел Чан Буянь, стоящего у беседки на озере на противоположной стороне моста и машущего ему рукой. Затем Чан Буянь сделал жест «три, два, один», и вдруг раздались несколько хлопков. От берега до беседки по мосту взметнулись яркие огни, которые взорвались в небе, создавая великолепные фейерверки.

Люди на берегу остановились, чтобы полюбоваться зрелищем. Когда фейерверки погасли, Чан Буянь, держа руки за спиной, с довольным видом подошёл к Чи Юю, наклонил голову и с улыбкой спросил:

— Красиво?

— Ты спрашиваешь про фейерверки или про себя?

— Конечно, про фейерверки.

— Сносно.

Чан Буянь покраснел и моргнул:

— А я?

Чи Юй не ответил, только посмотрел на него с пренебрежением. Чан Буянь, зная, что тот вряд ли скажет что-то приятное, сам продолжил:

— На самом деле я хотел показать тебе фейерверки после прогулки по озеру, но потом случилось то, что случилось. Но я думаю, сейчас тоже неплохое время.

Сяо Лянь в стороне пробормотала:

— Ваше Высочество, вы действительно слишком свободны.

— Как это можно назвать свободой? Если я смогу вызвать улыбку на лице вашего господина, то всё это того стоит.

— А вы видите, что мой господин улыбается?

Чан Буянь вздохнул:

— Значит, я потерпел поражение. Но жизнь — это постоянное обучение на ошибках. Если вашему господину не нравится такой способ, в следующий раз я попробую что-то другое.

Он с обидой посмотрел на Чи Юя, который лишь усмехнулся. Сяо Лянь, увидев, что её господин действительно улыбнулся, хоть и с сарказмом, была удивлена.

Чан Буянь приложил руку к сердцу и с пафосом произнёс:

— Не зря столько людей готовы на всё ради улыбки красавицы. Ведь лучше умереть под пионом, чем жить без любви. Чи Пион, покорись мне~

Он протянул последние слова, имитируя театральную манеру. Чи Юй, чувствуя головную боль,

развернулся и ушёл. Чан Буянь тут же последовал за ним, болтая без умолку. Сяо Лянь, идущая сзади, не выдержала и сказала Юнь Цину:

— Ваш наследник, должно быть, в прошлой жизни был воробьём. Как он оправдывает своё имя?!

— Его Высочество просто искренний.

Сяо Лянь усмехнулась, а Юнь Цин с недоумением спросил:

— Сяо Лянь, почему ты так не любишь Его Высочество и меня? Мы ведь тебя ничем не обидели.

— Я не люблю всех, кто приближается к моему господину с недобрыми намерениями.

— Но у нас нет недобрых намерений. Его Высочество просто нравится господину Чи. Разве это преступление?

— Мой господин не тот, кому можно просто так понравиться. Вы хотя бы знаете, кто вы такие?

— Господин Чи ничего не сказал, а ты тут злишься. Среди тех, кого вы не любите, мы самые нелюбимые?

Сяо Лянь, не задумываясь, ответила:

— Нет, конечно. Больше всего я ненавижу Драконов из Небесного царства и Обратней из Подземного царства. Особенно Драконов. Так что по сравнению с ними вы ещё ничего.

Юнь Цин был в замешательстве. Хотя он часто слышал о Драконах, Демонах, Обратнях и Призраках, они казались ему чем-то из легенд. Он не понимал, почему Сяо Лянь так ненавидит этих мифических существ.

— Чи Юй, смотри, смотри!

Чан Буянь потянул Чи Юя за руку, показывая на толпу людей. Там маленькая девочка стояла на тонкой верёвке, подвешенной в воздухе, и делала сальто. Зрители аплодировали.

— Как здорово! Я тоже хочу попробовать. Стоять на такой тонкой верёвке и так легко двигаться.

Чан Буянь восхищался, а Чи Юй прокомментировал:

— Порвётся.

— Она же такая лёгкая, как ласточка. Вряд ли верёвка порвётся.

— Я о тебе. Ты порвёшь её.

— Ты боишься, что я упаду?

— Боюсь, что ты придавишь кого-нибудь.

Чан Буянь надулся, думая, что если когда-нибудь Чи Юй скажет ему что-то приятное, то это будет чудом, равным восходу солнца на западе или снегу в июне. Видимо, этого ему не

дождаться.

— Гадание по иероглифам, не угадаю — не возьму денег. Вы, молодые люди, выглядите необычно. Хотите погадать?

На обочине дороги монах зазывал их к своему столику. Чан Буянь подошёл с улыбкой:

— Старик, у тебя хороший глаз. Давай проверим твои способности. Как это работает?

— Напишите любой иероглиф.

Он указал на бумагу и кисть на столе. Чан Буянь сел и написал иероглиф «сон». Монах спросил:

— О чём вы хотите узнать?

— Погадай мне на любовь.

Монах пошевелил пальцами, что-то пробормотал, а затем сказал:

— Вы хотите узнать о любви, но написали иероглиф «сон». Это значит, что человек, о котором вы думаете, связан с вашими снами.

— Продолжай.

— Сны нельзя воспринимать всерьёз, но если человек постоянно видит во сне одного и того же человека, возможно, это связано с их прошлой жизнью.

— То есть наша связь predetermined прошлым?

— Да, но это может быть и злой рок.

Монах попросил Чан Буяня протянуть руку, и тот, впечатлённый его словами, послушался. Монах внимательно изучил его ладонь.

— Ваша линия любви очень тонкая. Если вы будете настаивать на этом человеке, ваш путь будет полон трудностей и опасностей. Вы можете даже потерять жизнь.

— Тьфу, старик, ты умеешь говорить?!

Чан Буянь с недовольством отдернул руку и встал, собираясь уйти. Монах поднялся и сказал:

— Правда часто бывает горькой. Если вы не слушаете меня, то, когда окажетесь в беде, не говорите, что я вас не предупреждал.

— Ты знаешь, что я могу приказать, и тебя вышлют из города Ханьюй?!

— Я странствую по свету, мне всё равно, куда идти. Вы в прошлой жизни совершили много зла, и это невозможно исправить. Если вы действительно любите его, лучше держитесь подальше. И ещё: ваши три души и семь духов неустойчивы. Я советую вам меньше выходить ночью.

— Чушь собачья. Чи Юй, пошли.

Чан Буянь потянул Чи Юя за собой. Его хорошее настроение было испорчено. Он твердил, что

монах несёт чушь, но в глубине души беспокоился, что тот может быть прав.

Он посмотрел на Чи Юя. Если он действительно в прошлой жизни причинил ему много зла, что теперь делать? Можно ли это исправить в этой жизни? Или он снова навредит ему?

Хотя это звучало нелепо, много лет назад настоятель храма Ханьюй тоже говорил, что его три души и семь духов неустойчивы. Монах мог случайно угадать, или у него действительно есть способности.

— Ваше Высочество, приветствую вас.

К Чан Буяню подбежал стражник и поклонился. Чан Буянь, отбросив свои мысли, без энтузиазма спросил:

— Моя мать снова послала тебя забрать меня? Но она прислала только тебя одного, это слишком неуважительно!

— Ваше Высочество, нет. Но это действительно связано с княгиней.

— Хм, и что она теперь придумала?

Стражник оглянулся по сторонам и тихо сказал:

— Княгиня стала одержима.

Чан Буянь и Чи Юй удивились, обменявшись взглядами. Чан Буянь спросил:

— Одержима? Что за чепуха? Когда я уходил, она была в полном порядке.

— Княгиня сказала, что плохо себя чувствует, и ушла в свою комнату. Но через некоторое время она начала кричать, что убьёт всех, и всё в комнате было разбито. Князь был вынужден связать её и послал за монахами из храма Ханьюй.

Чан Буянь, не теряя времени, побежал обратно в усадьбу. Юнь Цин, не понимая, что происходит, последовал за ним. Когда они ушли, Сяо Лянь спросила:

— Господин, что случилось?

— Говорят, княгиня Чан стала одержима. Иди и узнай, что происходит, но будь осторожна, чтобы тебя не заметили.

— Хорошо.

Чи Юй остался на месте, размышляя, а затем вернулся в театр, чтобы дожидаться новостей. Однако первым, кто пришёл, была не Сяо Лянь, а тот самый монах, который гадал Чан Буяню. Теперь он был одет в серые одежды и выглядел как старик.

— Приветствую вас, Владыка.

— Второй старейшина, вы намеренно подошли к Чан Буяню. Вы уже выяснили его истинную сущность?

— Да.

Чи Юй сидел за каменным столом во дворе, держа в руках чашку чая. Он не спешил задавать вопросы, снял крышку с чашки, подул на чай и сделал глоток.

<http://bllate.org/book/16927/1558980>